

СТАНИСЛАВ ФЕДОТОВ

БЛАГОВЕСТ С АМУРА

Главы из романа

ГЛАВА 13

1

В течение весны и лета 1856 года Муравьёва беспокоили три вопроса. Они следовали по цепочке, но и переплетались между собой и были взаимозависимы.

Во-первых, третий сплав.

Дела требовали срочного выезда генерал-губернатора в столицу, но до него дошли тревожные слухи о том, что китайцы не намерены в этот раз пропускать русских по Амуру и якобы даже готовы применить силу. Николай Николаевич действовал, как всегда, решительно. В Ургу немедленно был отправлен Михаил Волконский с предписанием от имени главнокомандующего войсками Восточной Сибири выразить самое дружеское расположение амбаню Бейсэ лично, а через него – богдыхану и всему Дайцинскому государству, а насчёт русских войск – если спросят – рассказать, что огромные силы собираются со всей Сибири, но с единственной целью – защитить владения России и в случае надобности помочь китайскому правительству против английской и любой другой агрессии. При этом главная задача Михаила Сергеевича – выяснить всё про намерения китайской стороны в отношении сплава. Результаты не отправлять почтой, а по-курьерски доставить лично в Петербург.

Одновременно генерал возложил на полковника Корсакова обязанности действительно готовить войска, в первую очередь – к отправке в низовья Амура, но и – при необходимости прорыва по Амуру – к решительным действиям.

Следует сказать, что Волконский снова, как и в случаях борьбы с холерой, командировки на Аянский тракт и организации переселенцев, доказал свою надёжность в качестве чиновника особых поручений. Взяв с собой переводчика Шишмарёва, человека опытного и имеющего на китайской стороне обширные личные связи, а также несколько казаков, Михаил Сергеевич, несмотря на глубокие снега, добрался до Урги и был принят амбанем Бейсэ, с которым имел долгую доверительную беседу. Амбань Бейсэ, монгольский князь Дилека-Дарджи, воспитывался вместе с богдыханом и, видимо, поэтому имел большое влияние при дворе, особенно по вопросам границы с Россией. Князь благосклонно принял устное послание генерал-губернатора и подарки (ими снабдил Волконского новый градоначальник Кяхты Деспот-Зенович) и весьма живо интересовался действиями России – Восточной войной, обороной Петропавловска, защитой побережья Татарского пролива. Он оценил два русских сплава как содействие укреплению доверия между соседями, однако уклонился от ответа на вопрос об отношении к третьему сплаву. Тем не менее его секретарь Тотти, начальник почтового округа Тусулакчи и другие чиновники дали понять, что сплаву для войны с Англией и Францией Китай препятствовать не будет, а Шишмарёв через купечество и монгольское духовенство выяснил, что никаких военных приготовлений вообще не предполагается.

С этими сведениями Волконский помчался в Петербург. Поездка в столицу оказалась исключительно важной: в честь своей коронации Александр II помиловал государственных преступников, в том числе декабристов; Николай Николаевич решил немедленно отправить эту счастливую весть в Сибирь, и молодой Волконский оказался тут как нельзя кстати. Михаил ринулся в Иркутск (с заездом по пути во все места, где на поселе-

нии находились бывшие каторжане), даже не зная о том, что через три дня после его отъезда царь возвратит ему княжеский титул.

Второй вопрос – возвращение войск с Нижнего Амура в Забайкалье в связи с окончанием войны. Им на смену с третьим сплавом должны прийти свежие части, правда, уже не в таком количестве, ибо содержать там большие воинские соединения, пока не налажено регулярное пароходное сообщение по Амуру, слишком накладно. Вернуться в Забайкалье следовало 13-му и 14-му линейным батальонам и казакам; 15-й батальон оставался в низовьях на постоянную службу и вливался в состав 48-го флотского экипажа. Приказ о возвращении Муравьев отправил Корсакову с новым адъютантом подполковником Александром Антоновичем Моллером¹, а в личном письме двоюродному брату писал о необходимости начать организацию будущего Амурского казачьего войска и для начала сформировать отряд под началом войскового старшины Хилковского, из состава которого во время сплава основать шесть постов – Кутомандский, Кумарский, Усть-Зейский, Бурейский, напротив устья Сунгари и возле устья Уссури.

Очень важным генерал считал обеспечить возврат войск продовольствием, а для этого приказал Корсакову поручить подполковнику Буссе устройство складов по пути следования солдат и казаков вверх по Амуру. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает: двух обстоятельств не могли учесть ни сам Муравьев, ни Корсаков, ни Буссе – большой и ранний паводок на Амуре в результате муссонных дождей и большие и ранние холода с последующими обильными снегопадами. Эти обстоятельства вкупе с обычным русским разгильдяйством, которого всегда хватает в большом и серьёзном деле, вкупе с тифом и простудами привели к гибели около двухсот солдат и офицеров на трёхтысячевёрстном пути по безлюдной пустыне, вначале залитой водой, а потом заваленной снегом. Склады с продовольствием, рассчитанным на определённую заранее длительность переходов, оказывались порой недостижимыми из-за слишком медленного движения: против быстрого течения лодки тянули бичевой, продираясь через непроходимые заросли по пояс, а то и по грудь в воде, порой заходя в незамеченные устья притоков и вынужденно возвращаясь обратно; невозможность согреться и просушить одежду быстро приводила к горячке и выходу людей из строя – всё это изо дня в день тормозило продвижение партий. Когда по реке пошла шуга, пришлось долго ждать ледостава, а потом ладить санки и идти с грузом сквозь метели... Последнему отряду, под началом подполковника Облеухова, особенно не повезло. Не повезло главным образом с командиром. Корсаков приказал ему сплавиться и вернуться за одну навигацию, но отряд прибыл в Мариинский лишь 17 июля. Казакевич предлагал Облеухову перезимовать с отрядом в Мариинском, но рьяный подполковник, не дав подчинённым отдохнуть и набраться сил, уже через неделю двинулся обратно. И... застрял в пути на четыре месяца. Только в ноябре, претерпев жесточайшие лишения и огромные потери, солдаты добрались до родных мест. Но, если бы не помощь китайцев с правого берега, если бы не Скобельцын, благополучно прошедший с первой партией казаков и пославший из Усть-Стрелки людей на выручку отстающих, если бы наконец не баржа с мукой, брошенная Облеуховым на мели по пути в Мариинский, потери могли быть ещё больше и мучительней.

Правда, в сравнении с потерями в Севастополе, где в один день порою погибали свыше тысячи человек, гибель двух сотен солдат не столь уж значительна, и, наверное, поэтому никто из начальствующего состава не был наказан. Однако можно сказать, что там люди погибали в бою, под бомбами и пулями, а здесь ничего подобного не было. В то же время нельзя не признать, что природные силы – вода, ветер, мороз и жар солнца – могут убивать даже больше, чем снаряды и пули. А для солдата смерть, когда потребуется, –

---

¹ А.А. Моллер – брат мачехи Н.Н. Муравьева, второй жены отца.

есть часть службы...

И всё-таки вопрос оставался: а кому и для чего требовалась смерть этих несчастных и требовалась ли она вообще? Ответа нет. Вернее, он есть, но относится скорее к общим, историко-философским: этот случай – ещё один пример в ряду многих и многих, подтверждающий, что в России, пока жив человек, его жизнь ни в грош не ценится, а после смерти – о ком-то можно и погоревать. Во время четвёртого сплава Муравьёв взял молодого казака Романа Богданова (он его ласково называл Богдашкой) в качестве гребца и отправился на малой лодочке на один из амурских островов, где, по слухам, больше всего полегло солдат из отряда Облеухова. Они ходили по острову, собирали кости непогребённых в одну братскую могилу, потом поставили небольшой крест и долго молились возле него, стоя на коленях и отбивая поклоны.

Муравьёв плакал и бормотал:

– Простите, братцы, но моей вины в вашей гибели нет... Простите, ради Христа...

Кончив молиться, генерал встал, вытер слёзы и строго сказал:

– Ты, Богдашка, это место запомни, и всё, что здесь было, – тоже. Но – никому не рассказывай до самой моей смерти. После – можешь, а прежде – никому ни слова. Такой тебе мой наказ.

Третий вопрос, не дававший Николаю Николаевичу покоя ни днём, ни ночью, – переговоры с китайцами.

Сменивший Нессельроде князь Горчаков был совершенно равнодушен к восточным делам – все его мысли занимали проблемы европейские и главная среди них – возвращение России статуса великой державы, который она утратила после Парижского конгресса. Пользуясь безразличием начальства, противники Муравьёва в Министерстве иностранных дел, сникшие после отставки Карла Васильевича, вновь подняли головы и начали, как выразился Гончаров, ставить *batons dans les roues*.

Первым делом постарались очернить значение Амура для России. Свою лепту, и немалую, внёс в это адмирал Путятин. После подписания договора с Японией, лишённый «Паллады» и «Дианы», он долго возвращался в Россию вверх по Амуру на пароходике «Надежда», насмотрелся на залитые водой острова и донельзя раздражённым тоном рассказывал об этом путешествии императору и генерал-адмиралу.

– Не нужны России эти болота, ваше величество, – рокотал адмирал. – В них можно так завязнуть, что и не выберешься никогда. Муравьёв хочет их присоединить – это понятно: тщится остаться в истории продолжателем Пояркова и Хабарова. А что – у России мало земель, что надо лезть чёрт-те куда? Простите, ваше величество, ваше высочество! В какие-то дебри, Богом забытые, где неделю плывёшь – человека не встретишь, даже аборигена!

– Да что же делать, Евфимий Васильевич? – уныло спросил император. – Три сплава уже прошло, и каждый раз мы заявляем Китаю, что левобережье Амура и земли за Усури принадлежат России. Я назначил Казакевича военным губернатором новой Приморской области, в которую включена и Камчатка, и Приамурье, и побережье вплоть до Кореи. А теперь что – отдавать?!

– С Китаем никакого договора пока нет, ваше величество. Надо отправить в Пекин опытного дипломата и заключить соглашение, вроде того, что подписали с Японией – о торговле, а вместе с тем и о границах. – Путятин гнул свою линию, зная, что кроме него в Китай посылать некого: только у него был уже опыт дипломатии на Востоке. – Левый берег можно оставить за нами.

– Нижний Амур отдавать нельзя, – сказал Константин Николаевич, без единого замечания выслушавший рассказ адмирала. С некоторых пор он стал вести все дела, связанные с Востоком. – Невельской столько трудов положил на его изучение! Он считает край

богатеишим.

– Невельской и Завойко уже покинули Амур, – хмуро заметил император. Он не знал, как поступить, и это его раздражало. – Что бы им было не заняться колонизацией?

– Они уже выслужили свои сроки, – возразил генерал-адмирал. – Невельской – полтора, а Завойко – так вообще целых три! Но полтора Невельского стоят трёх завойковских! Надо же и о семьях подумать.

– Подумать следует и нам, – император повернулся к Путятину. – Спасибо, Евфимий Васильевич, за информацию. Мы её учтём.

Раздосадованный этим разговором, Константин Николаевич настолько охладел к амурскому вопросу, что разрешил «Морскому сборнику» печатать статьи, резко критические по отношению к присоединению Приамурья и Муравьёву лично.

Николаю Николаевичу пришлось пустить в ход перед императором и генерал-адмиралом всё своё красноречие, чтобы защитить Амур, но критику печатать не перестали и от переговоров с Китаем его отодвинули. Вернее сказать, «заморозили» сами переговоры до следующего года. В 1857-м намеревались послать дипломатическую миссию с функциями посольства с целью заключения договора. Послом, разумеется, должен был стать адмирал Путятин.

Решение это возмутило Николая Николаевича, который считал вопрос о разграничении своей прерогативой, поскольку положил на это немало сил и времени, но он смолчал, опершись на мнение главы русской православной миссии в Пекине архимандрита Палладия. Палладий писал, что поднимать в Пекине сейчас вопрос о разграничении абсолютно бесполезно: китайское правительство боится, что, уступив России Амур, оно даст повод другим государствам добиваться для себя каких-либо привилегий. Зная, как любят китайские чиновники откладывать в долгий ящик порою даже важнейшие дела, Муравьёв несколько не сомневался, что и путятинская миссия затянется на неопределённое время; причём он был убеждён, что разграничением надо заниматься непосредственно на границе, а не в столицах, и что-то ему подсказывало, что это дело вернётся к нему.

Однако сразу после коронации Александра II произошло событие, которое едва не погубило все замыслы и предположения. Не случайно князь Барятинский, узнав о своём производстве в генералы от инфантерии, напомнил императору о старшинстве Муравьёва и князя Суворова. Генерал-лейтенанты не стерпели того, что их обошли чином, и, будучи оба генерал-губернаторами, подали в отставку. Князь Александр Аркадьевич, встретив Николая Николаевича в приёмной императора, после приветствия сказал в своей обычной язвительной манере:

– Мы с вами стали жертвами нежной дружбы, Муравьёв. Как поётся у Бетховена: «За друга готов я пить воду, да жаль, что с воды меня рвёт». Не знаю, как вы, а я чувствую себя оборванцем.

Суворова в высшем свете хорошо знали как человека, острого и злого на язык, поэтому, наверное, на его дерзость не обратили внимания, тем более что в отставку он не вышел.

А Николай Николаевич усмотрел в действии царя лишение доверия, которым очень дорожил. Он всегда считал и не раз писал в письмах родным братьям и Корсакову, что без доверия государя не видит смысла в своём генерал-губернаторстве.

– Дело не в чинах и орденах, как таковых, – говорил он в кругу близких людей, – но именно они свидетельствуют окружающим о том, что государь одобряет исполнение мною долга перед ним и Отечеством.

Своё заявление об отставке Николай Николаевич направил государю, но оно попало в руки великого князя, и тот уговорил генерала отказаться от пагубного для его положения намерения. Константин Николаевич был довольно наблюдательным человеком и, несмотря на свою молодость, успел изучить тонкости натуры Муравьёва. А потому основ-

ным доводом убеждения избрал не тщеславие или честолюбие, не заботу о личном благополучии, а любовь генерала к Престолу и Отечеству. Должно быть, от отца своего, Николая Павловича, воспринял он как духовную опору стихотворение Гавриила Державина «Вельможа», а может быть, знал достоверно, что Муравьёв весьма его чтит, но, исчерпав обычные аргументы, напомнил генералу бессмертные строки:

Вельможу должны составлять
Ум здоровый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священо,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть – польза, слава, честь.

Читая их, великий князь вдруг увидел, как повлажнели глаза генерала.

– Я остаюсь, – сказал Муравьёв. – Но у меня имеется просьба, ваше императорское высочество. Так или иначе, срок моего пребывания на посту генерал-губернатора окончится, и я не хочу, чтобы главное дело моей жизни попало в равнодушные руки.

– У вас есть кто-то на примете? – поднял брови генерал-адмирал.

– Да. Уже несколько лет я постепенно ввожу в круг моих занятий полковника Корсакова, начальника Забайкальской области...

– Знаю, знаю, – перебил Константин Николаевич. – Это он в 54-м привозил донесение о первом сплаве. Толковый офицер!

– Очень толковый и – полный мой единомышленник. Он в курсе всех дел и, если что со мной случится, всегда готов принять на себя обязанности. А главное, для него «польза, слава, честь» – не пустые слова.

– А что же Венцель, который в ваше отсутствие всегда исправляет дела генерал-губернатора.

– Карл Карлович – отличный заместитель! Исключительно надёжен! Но он всего лишь исполнитель, а Корсаков...

– Я вас понял, Николай Николаевич, – снова перебил великий князь. – Извините мою неучтивость, но я спешу к государю. А с Корсаковым продолжайте идти прежним курсом. И знаете что? Он, если не ошибаюсь, второй год наказный атаман Забайкальского войска – пора бы и на генерала представлять.

– Я представил и буду счастлив, если государь утвердит представление.

– Я замолвлю за него.

2

Китайцы не пропустили посольство Путятина сухим путём. Адмиралу пришлось сплаваться по Амуру, а в Николаевске (так стал называться центр новой, Приморской области) он со всем своим сопровождением пересел на военный пароходо-корвет «Америка», закупленный в США вместе с двумя железными речными пароходами капитаном первого ранга, а теперь уже контр-адмиралом Казакевичем, и отправился в Китай морским путём.

Посол потребовал, чтобы кораблём его командовал кто-то из лучших морских офицеров, и выбор Муравьёва пал на капитан-лейтенанта Чихачёва.

Николай Матвеевич, герой Амурской экспедиции, любимец Невельского, успел по-

сле неё послужить командиром корвета «Оливуца» и начальником штаба Сибирской флотилии, а также принять участие в третьем сплаве. Генерал-губернатору он был хорошо знаком, и Николай Николаевич с лёгким сердцем доверил ему это специальное плавание.

Муравьёв вообще оказывал Путятину подчёркнутое уважение и содействие. Потому как совсем не хотел, чтобы кто-то подумал, будто он из ревности препятствует послу в его миссии. Специальным письмом к Корсакову генерал приказал, чтобы начальники с ординарцами являлись представиться адмиралу, а сам с большим пиететом проводил его по Амуру до Айгуна.

Генерал был более чем уверен, что с посольством ничего положительного не выйдет, и всю весну писал Корсакову в Читу, чтобы тот готовил войска на случай военного давления на цинское правительство, которое чувствовало себя весьма неустойчиво. Он даже не исключал падения правящей династии и отделения от Китая Монголии и Маньчжурии с превращением их в самостоятельные княжества под покровительством России. Вторжение в Китай Муравьёв предполагал вести тремя отрядами – один направить через Кяхту на Ургу, второй десантировать с Усть-Зейского поста в Айгун и далее двигать его по хорошей дороге в глубину Маньчжурии, третий, конный, перебросить через Аргунь из Цурухайтуя на Кайлар и Чигилар. Он всегда помнил слова покойного императора, один на один вполголоса сказанные ему в 1853 году: «Китайцы должны исполнять справедливые наши требования, а если не захотят, то у тебя теперь есть войско, и мы можем их заставить». Однако вслед за тем вслух было заявлено о том, чтобы на Амуре военным порохом не пахло, поэтому генерал надеялся, что Пекин всё-таки преодолит своё упрямство и согласится на предложения России. Надежда подкреплялась тем, что китайцы, хотя и не давали письменного ответа, но и не препятствовали ни словом, ни делом тому, что русские плавали по Амуру вверх и вниз, перевозили войска и переселенцев и, как говорится, явочным порядком занимали левый берег. До Муравьёва доходили сведения, что китайские чиновники очень боятся его гнева, полагая, что этот русский генерал способен на любые действия, и он исподволь начал пользоваться сложившейся ситуацией.

Сформировав от Усть-Стрелки до Хинганских Ворот первое отделение Амурской линии, он дал следующие указания временному её начальнику Хилковскому: во-первых, сохранять с властями Айгуна дружеские отношения, наносить им визиты и принимать их с соответствующими почестями; во-вторых, ни в коем случае не обижать простое население, при этом объявить жителям левого берега, что с новой навигацией они станут подданными России, поэтому, кто не желает, должен заблаговременно переселиться на китайскую сторону. Но вместе с тем следует внимательно наблюдать, не ведутся ли на правом берегу военные приготовления, и при малейшем проявлении недружелюбия или появлении войск высадить десант, всех разоружить и расположиться в городе с войсками и артиллерией, объяснив китайцам, что действия эти совершаются по воле русского царя, а если они чем-то недовольны – пусть жалуются генерал-губернатору Муравьёву в Иркутск или Правительствующему Сенату в Санкт-Петербург. Начальник линии просто выполняет приказ.

Особо генерал подчеркнул, чтобы уходящие на правый берег жители за свои дома не беспокоились: всё будет в целостности и сохранности. В них поселятся казачьи семьи, а следующей весной за эти дома бывшим хозяевам будут уплачены хорошие деньги.

Проводив посланника-адмирала, Николай Николаевич вернулся в сопровождении войскового старшины Хилковского, недавно назначенного старшим адъютантом поручика Венюкова и переводчика Шишмарёва в Усть-Зейский пост и тут же отправился осматривать окрестности. Он хотел выбрать место для будущего города. Слегка холмистая расширяющаяся от стрелки между Амуром и полноводной Зеей равнина, кое-где поросшая лесом, ему понравилась.

– Что скажешь, Николай Иванович? – спрашивал он Хилковского, плотного 45-

летнего казака с хитрыми глазами, по которым сразу было видно, что человек себе на уме. – Ты у нас главный оценщик пригодности земель.

– Да какой я главный? – отнекивался тот. – Может, чуток кумекаю, но и только. От себя могу сказать: городу тут будет просторно, и улицы легко располагать линиями: одни вдоль Амура, а поперешные – вдоль Зеи.

– Ваше превосходительство, дозвольте слово сказать? – вмешался командир Усть-Зейского поста сотник Травин, принимавший участие в рекогносцировке. Излишне полный, он еле поспевал за быстро шагавшим генералом, то и дело останавливался, снимая папаху и вытирая заметную лысину фуляровым платком, а потом бегом догонял остальных. Вот и сейчас присоединился к группе как раз на словах Хилковского.

Генерал повернулся к нему с выжидательно-кислым выражением лица. Он был недоволен сотником: будучи оставлен в зиму при продовольственном складе для поддержания возвращающихся войск, Травин потерял двадцать девять человек из своей сотни. Умерли они, разумеется, не от голода – тиф, цинга и горячка, сырые землянки (поблизости не было подходящего для строительства леса), нехватка лекарств косили людей одного за другим. Пожилой, опытный сотник, если и был в том виноват, то в малой степени (гораздо большая доля вины ложилась на подполковника Буссе, отвечавшего за обеспечение постов всем необходимым), но такова уж была натура генерала – ему нужно было быстро найти виноватого, чтобы излить на него свой гнев, а кроме Травина никого подходящего не было. Ему и досталось.

Впрочем, основание для начальственного разноса не надо было искать: оно было, что говорится, на виду. В Усть-Зейском посту не было ни часовни (не говоря уже о церкви), ни священника, чтобы предать умерших земле по христианскому обряду. С наступлением весны, как надеялся Травин, пост посетит священник и отпоёт покойных, а пока их складывали в опустевшем замороженном складе. В первой партии сплава священник, конечно, был, и всех неуспокоенных похоронили, как полагается, но раздражённый генерал припомнил сотнику этот склад с трупами.

Отголоски генеральского гнева чувствовались и сейчас.

– У прошлом годе в летний паводок подтопление было, – пояснил Травин. – Дома надо на рёлке² ставить.

– «У прошлом годе», – почему-то передразнил Муравьёв, – понятно. А в этом?

– В этом пока не было. Так же ж ещё июнь...

– Наверно, и китайцы тут не селились из-за наводнений, – подал свой голос поручик Венюков. Шишмарёв в разговоре не участвовал.

– Эх, жаль, Скобельцына с нами нет, – вздохнул генерал. – Вот он всё знает... Ладно, – оборвал он себя, – город нужен как раз против Айгуна, значит, город будет. А пока оснуём станицу. Хилковский и Травин, вот вам мой приказ. А ты, поручик, записывай. Во второй партии сплава идут переселенцы, по большей части казаки. Разрешаю семей двадцать оставить, с выделением им всего необходимого из переселенческого запаса. Немедленно найти подходящий для строительства лес – не может быть, чтобы его не было, – и до зимы тут должны стоять избы для семейных и казарма для холостых казаков. Кстати, Травин, холостых много?

– Да почти все, ваше превосходительство, – вытянулся сотник.

– Этто хорошо! – Муравьёв прошёлся перед офицерами. – На первом сплаве один хороший человек, ныне, к сожалению, покойный, – генерал перекрестился, за ним перекрестились остальные, – подсказал мне интересную мысль: направить на новые поселения молодых каторжанок, которые на постах могут быть прачками,стряпухами,поломойками, а с кем из казаков слюбятся – так и замуж могут выйти, и тогда срок каторги с них снима-

---

² Рёлка – продолговатая возвышенность, гряда с пологими склонами, поросшая лесом; грива, часто идущая вдоль берега реки.

ется.

– Ничего себе! – изумился поручик Венюков. – Так их мигом разберут!

– Вот и пусть разбирают. В третьей партии сплава идёт баржа или павозок, точно не знаю, с шестью десятками таких молодух. Так сказать, первопроходицы. Ваша задача, господа офицеры, проследить, чтобы не было борделя. Пары сложатся – пожалуйста, а борделя на посту быть не должно!

3

Посольство Путятина застряло в Печелийском заливе Жёлтого моря, перед фортами Дагу большого города Тяньцзиня, считающегося «воротами Пекина». Китайцы объявили, что послу в столице делать нечего. Трибунал внешних сношений в листе Правительствующему Сенату России пояснил, что предмета для переговоров нет, поскольку граница между Дайцинской и Российской империями от реки Горбицы до Удского края определена на вечные времена, а о неразграниченной территории следует договариваться на месте, а не в Пекине. Кроме того, Трибунал выразил Сенату своё негодование самоуправством генерал-губернатора Муравьёва, который под видом защиты устья Амура от англичан занимается заселением Левобережья.

Адмирал пытался жаловаться, что его встречают не так, как положено принимать послов, на что китайцы опять же отписали, что в Тяньцзине посольство никто не ждал по той причине, что место встречи предварительно не было оговорено, что все совещания о важных делах проводятся в пунктах проезда через границу, а Тяньцзинь таковым пунктом не является. Однако из уважения к высокому сану посланника и учитывая, что он прибыл впервые и издалека, Трибунал даёт указание гражданским и военным чиновникам лично проводить его по морскому берегу во исполнение законов гостеприимства, но при повторении подобного прибытия никакого сношения с посланником не будет.

Переписка шла почти всё лето; Путятин за это время сплавал в Шанхай. С октября 1856 года на юге Китая шли бои – разгоралась вторая опиумная война; Англия и Франция требовали от Пекина права на неограниченную торговлю, открытие портов и допущение постоянных послов в Пекин. Китайское правительство было в полном расстройстве, и казалось странным столь решительное его поведение по отношению к российскому посланнику. Ещё более странной выглядела попытка оказать давление на Муравьёва, «пристыдить» его за то, что он коварно нарушает двухсотлетнюю дружбу двух государств. Джангин города Сахалян-Ула Фуль Хунга, всегда выказывавший расположение к русским и лично к генералу, посылавший помощь бедствующим солдатам Облеухова, вдруг прислал гонца с пакетом в Усть-Зейский пост, где Муравьёв обосновался на всё лето.

– «...вы завладеваете насильственно местами срединного государства, – переводил Шишмарёв послание джангина, – и, как кажется, вовсе не для отражения англичан, и кажется, на то нет повеления вашего императора. ...люди здешние крепкого сложения и надменны, к спорам и дракам охотники, и поэтому вам следует пораньше возвратить всех людей и поддержать этим дружеское согласие с нами... Просим тебя, генерал-губернатор, тщательно размысливши высокими мыслями твоими, не разрушать доброго согласия двух государств, но, разъяснивши настоящее истинное дело, написать лист на маньчжурском языке, по рассмотрении которого мы бы посоветовались и решили, и тем избавили бы от хлопот и беспокойства войско двух государств».

– Это писал не Фуль Хунга, – решительно сказал Николай Николаевич, выслушав перевод. И тут же задумался: – Впрочем... могли и заставить: джангин – лицо подневольное.

– А вы обратили внимание, ваше превосходительство, – заметил Венюков, – что он

намекает на военные действия?

– Разумеется, обратил. Но это неважно. У них силёнки маловато. Да мне кажется, никаких действий и не будет, если они сами сдуру не начнут. А на письмо надо ответить.

«Из вашего листа, уважаемый джангин, – писал генерал-губернатор, – я усмотрел, что ургинскому, айгунскому и чигиринскому амбаням неизвестна моя переписка с Высоким Трибуналом, которая ведётся уже три года. Наш Великий Государь поручил мне вести переговоры по размежеванию границ, о чём российский Правительствующий Сенат своевременно известил Высокий Трибунал. Я в своих письмах неоднократно высказывал предложения России по разграничению и со стороны Высокого Трибунала не получал никаких возражений. Когда же в нынешнем году, по Высочайшей воле нашего Великого Государя, послан был в Пекин посланник, то он Трибуналом туда пропущен не был под тем предлогом, что будто бы нет предмета для переговоров. Поэтому я не считаю себя вправе принять ваш лист и вынужден его возвратить... По дружественным же отношениям обоих государств прошу вас обращаться со всеми словесными объяснениями к г. Языкову, назначенному на Усть-Зею и по всему левому берегу Амура начальником, равностепенным с амбанем. Письменных же листов он принимать от вас не сможет, ибо не имеет при себе переводчика, который бы умел читать и писать».

Отправив эту отповедь Фуль Хунге, а по сути, ближайшим к Усть-Зее амбаням, Муравьёв вернулся в Иркутск. Он желал съездить за границу для поправки здоровья, но, главным образом, чтобы повидаться с Екатериной Николаевной, по которой болезненно скучал. В прошлом году, выбрав время до коронации императора, Муравьёвы уехали в Мариенбад. В Москву Николай Николаевич вернулся один: Екатерина Николаевна отправилась в По. На её здоровье сказались длительные недомогания, усугубленные путешествиями и климатом Сибири, – во Франции она чувствовала себя несравнимо лучше.

– Не получилось из меня сибирячки, – грустно улыбнулась Катрин при расставании. – Ну, ты меня там, пожалуйста, не забывай. Приезжай, как только сможешь. – И всхлипнула, припав к его плечу.

Николай Николаевич крепко обнял её и, понимая, что любые слова утешения будут звучать фальшиво, всё же сказал:

– Жди. Приеду и привезу тебе что-нибудь сибирское.

И вот теперь у него был для неё весьма приятный «сибирский» сюрприз, даже больше – амурский. Его преподнесли ему для передачи супруге казаки-переселенцы новой станицы, основанной у самого входа в Хинганские Ворота.

В Петербурге Муравьёв пробыл ровно столько, сколько потребовалось для оформления выезда на лечение. Из Парижа он устремился на юг, к Тулузе, откуда поезд по недавно открытой линии ходил до Тарба. А от Тарба до По надо было ехать в дилижансе.

«Какое же это всё-таки чудо – железные дороги! – думал Николай Николаевич, сидя в купе на мягком диване и покуривая сигариллу. – Как их не хватает в Сибири! И почему правительство наше такое неумное? Тратят миллионы чёрт-те на что, а на важнейшее предприятие, видите ли, нет денег!»

Дело в том, что он в очередной раз (уж и не помнил, в какой по счёту) подал докладную записку о необходимости железной дороги для сибирских расстояний и в очередной раз получил отказ. А она, как воздух, нужна торговле, промыслам, почтовой связи, армии, наконец! Ну, ладно, зимнюю почту по Амуру нынче наладят, оптический телеграф Казакевич поставить обещал, но железная дорога – это... – Муравьёв вздохнул, – *железная дорога!* На века и никакой распутицы! Вон как в Европе и в Америке за неё ухватились! Да разве сумел бы он в считанные дни добраться из Варшавы до Тулузы и Тарба?!

Тут мысли его перескочили на предстоящую встречу с Катрин. «Боже мой, уже целый год прошёл, как мы расстались! Как же мне тебя не хватает, девочка моя! От сколь-

ких ошибок ты меня удержала, сколько человек спасла от моего порой несправедливого гнева! А люди помнят твоё заступничество, справляются о твоём здоровье – это многого стоит! Да прости меня государь за мой обман, за то, что поехал не на воды, а к любимой жене!»

Генерал вздохнул и вернулся к просмотру свежих газет, купленных на парижском вокзале Монпарнасе. И вдруг взгляд его зацепился за знакомую фамилию в криминальной хронике. «Вчера поздно вечером на пороге своего дома на Елисейских Полях, – написал репортёр под инициалами DJ, – выстрелом из пистолета был убит шеф “Сюртэ Женераль” виконт Артур де Лавалье. Убийца бесследно скрылся. Единственная случайная свидетельница утверждает, что это был высокий чернородый мужчина в широкополой шляпе, закрывавшей лицо, и свободном тёмном плаще, истинный цвет которого в свете газового фонаря определить невозможно. Полиция предполагает, что убийцей мог быть кто-либо из республиканцев, к преследованию которых шеф “Сюртэ Женераль” имел прямое отношение».

Вот ещё один сюрприз для Катрин, весело подумал Муравьёв. Как у нас говорят: «Сколько верёвочке ни виться, а конец, всё одно, придёт».

Он предполагал, что Катрин обрадует это печальное известие, но не ожидал, что до такой степени: жена ахнула, всплеснула руками и повисла на шее мужа, целуя его и даже, кажется, повизгивая от переполнивших её чувств.

– Так ему, мерзавцу, и надо! – заявила она, отпустив наконец полузадушенного супруга и победно оглядела замерших в недоумении родителей.

– Интересно, чем тебе досадил этот бедный виконт? – поинтересовалась Жозефина де Ришмон.

– Да, да, мы сгораем от любопытства, – подтвердил Жерар.

– Можно сказать? – обернулась к мужу Катрин. Он кивнул: теперь можно. Она набрала воздуха и выпалила: – Так вот, дорогие супруги де Ришмон, ваша дочь была шпионкой!

– Что?! – ахнула Жозефина. – Как шпионкой?! Чьей шпионкой?!

Жерар как старый воин воспринял известие гораздо спокойнее.

Он быстро сопоставил информацию:

– Тебя завербовал этот Лавалье? Шпионить за мужем? – Катрин кивнула. Жерар расхохотался. – О-о, милая девочка, да девять жён из десяти шпионят за мужьями безо всякой вербовки. Просто ради удовольствия!

– Ты считаешь, что я за тобой шпионю? – возмутилась Жозефина.

– Что ты, что ты, дорогая! Ты у меня как раз десятая!

– Я – десятая?!

Жозефина угрожающе двинулась на мужа, тот захохотал, отступая, и они оба скрылись в соседней комнате.

– Какие деликатные у тебя родители, – шепнул Муравьёв, привлекая в объятия жену. Они поцеловались долгим поцелуем; с трудом оторвавшись, он сказал: – А у меня, Катюша, для тебя ещё один сюрприз. Амурский.

– Амурский?! Так давай его поскорей сюда! Я сгораю от нетерпения!

– М-м-м... как бы его преподнести?.. – Он прошёлся по комнате, предвкушая удовольствие. – Ну, ладно, скажу как есть... На Амуре появилась первая станица, называется – Екатерино-Никольская. Казаки-переселенцы назвали её в твою честь, – торжественным тоном объявил Николай Николаевич.

– Ну да, – не поверила она. – Это ты назвал.

– Честное благородное, я ни при чём. Они сами. По имени-отчеству.

Катрин покачала головой и вдруг заявила:

– Нет! По имени-отчеству станица была бы Екатерино-Николаевская. Это нам обоим

оказали честь – Екатерине и Николаю! Потому и Екатерино-Никольская, вот!

Николай Николаевич засмеялся:

– Не знаю, не знаю, но ты теперь уж точно стала сибирячкой-амурочкой! И останешься ею навсегда!

– Лучше останемся вместе!

А вот оставаться вместе в шато Ришмон д'Адур им довелось недолго. Из Петербурга примчался нарочный: Муравьёва срочно вызывал император.

– Как вы меня нашли? – изумился генерал. – Я же должен быть на водах.

– Его императорское высочество, когда передавал высочайшее указание, махнул рукой и сказал: ищите его в По, он наверняка у жены.

Муравьёв только рассмеялся и покачал головой.

Вызвали его из-за обострения отношений с Китаем. Трибунал внешних сношений один за другим прислал несколько листов – снова с жалобами на своеволие генерал-губернатора Муравьёва, который заселяет Амур, невзирая на протесты местных властей и нарушая своими действиями двухсотлетнюю дружбу. Одновременно Путятин, отчаявшись прорваться в Пекин, обозлённый и расстроенный своим провалом, представил доклад, предлагая свернуть кяхтинскую торговлю, чтобы порушить уверенность китайских властей в её необходимости для России: мол, в этой уверенности кроется причина неудач его миссии. Кроме того, адмирал извещал, что богдыхан издал указ о недопущении русских на Амур, поэтому надо последовать примеру англичан, блокировавших устья рек возле Кантона, и перекрыть оба устья реки Байхэ (она ведёт к Пекину) до тех пор, пока китайское правительство не пришлёт уполномоченного на переговоры министра. Если же, заключал незадачливый посланник, Англия и Франция перенесут военные действия на север Китая, следует способствовать им нашими морскими силами. Другого пути для решения российских задач нет.

– Он что, с ума сошёл? – поразился Константин Николаевич. – Предлагает ввязаться в новую войну, к тому же на стороне наших противников!

Они сидели вчетвером в рабочем кабинете Николая Павловича – Александр II, генерал-адмирал, канцлер Горчаков и генерал-губернатор. Горчаков прочитал вслух послание Путятина и молча ждал реакции государя. Император на восклицание брата ничего не сказал, он обратился к Муравьёву:

– А вы что думаете, Николай Николаевич?

Генерал встал, но царь махнул рукой: сидите, сидите, – и он снова опустился на место.

– Я думаю, ваше величество, что предложения адмирала Путятина лишь на руку китайскому правительству, так как мы бы сами прервали сношения с Китаем, а его вполне устраивает неопределённость статус-кво. Моё мнение: не обращать внимания на их жалобы и выпады и продолжать заселение Амура, ибо только заселённость края утверждает наши права на него. Не будем заселять мы – заселят китайцы: у них народу хватит!

– Резонно. Весьма резонно, – задумчиво отметил император. – А что скажете вы, Александр Михайлович?

– Вы знаете мою позицию, ваше величество, – отвечал Горчаков. – Я считаю: Россия – европейское государство и должна прислушиваться к Западу. Наше будущее – с Европой.

– А что же тогда Европа, в лице великих держав, Англии и Франции, так рвётся на Восток? – вмешался великий князь. Горчаков пожал плечами. Великий князь понял его движение: канцлер полагал, что это и так известно, – и продолжил возбуждённо: – Россия – тоже великая держава, а Восток – её окраина. Мы должны быть на нём хозяевами!

– Хорошо. Так и поступим, – заключил император. – Продолжайте заселение, Нико-

лай Николаевич. А Путятину назначим командующим Тихоокеанской эскадрой и комиссаром – пусть приглядывает за поведением англичан и французов. Только что нам ответить китайцам? А, Александр Михайлович?

– Напишем, что посылали для переговоров полномочного представителя графа Путятина, который, не дождавшись надлежащего приёма, отправился навстречу прибывающей из России флотилии. Припугнём слегка, на всякий случай, – счёл нужным пояснить Горчаков. – А сам генерал Муравьёв вызван в столицу к государю для инструкций, как ему переговариваться и как действовать на границе.

– Сам генерал? – переспросил, тонко улыбаясь, император.

– Палладий писал: они Муравьёва боятся, и это выделение их напугает ещё больше.

– Ну, тогда для наибольшего испуга напишите, что государь император пожаловал Муравьёву чин генерал-адъютанта при своей особе. – Александр Николаевич встал и пожал руку вскочившему Николаю Николаевичу. – Поздравляю вас, генерал. Кстати, представленный вами устав Амурской торговой компании мы утвердили. Торговля хорошо способствует закреплению территории.

ГЛАВА 14

1

«На днях я отправляюсь на Амур месяца на четыре, – писал Муравьёв брату Валериану в апреле 1858 года. – Исключительная моя теперь забота состоит в том, чтобы заселять Амур, развивать по нём пароходство и торговлю, учредить города, архиепископскую кафедру и открыть золото, которое необходимо для многих расходов по всему вышеизложенному, тем более, что в устьях Амура и окрестных морских берегах надобно соорудить укреплённые порты и сообщение с ними железными дорогами».

Пятый сплав Муравьёв уже полностью доверил Корсакову, лишь указав ему поспешить с приготовлением к сплаву войск с крепостными орудиями и всеми принадлежностями для возведения батарей. Одновременно генерал послал в Ургу кяхтинского градоначальника Деспот-Зеновича, чтобы известить амбаней о готовности графа Путятина быть посредником между китайским правительством и западными державами, при условии, если его попросят сами китайцы, и о том, что *сам* Муравьёв по высочайшему указанию продолжит заселение берегов Амура и Уссури. Он считал создание русских сёл и станиц, при поддержке постов и караулов, самым лучшим инструментом давления на Китай, понуждающим его к безотлагательным переговорам по разграничению.

И – не ошибся.

Двадцать шестого апреля на двух специально оборудованных баржах в сопровождении двух вооружённых катеров генерал-губернатор отплыл из Сретенска в Усть-Зею. Предварительно он послал нарочного в Айгун, чтобы предупредить тамошнего амбана, что торопится и проплывёт мимо, а если у амбана есть намерение вести переговоры, то лучше это сделать по возвращении генерала с Нижнего Амура.

– Это, чтобы они не думали, будто я тороплюсь с разграничением, – пояснил он архиепископу Иннокентию, который наконец-то принял участие в плавании.

Высокопреосвященный целыми днями не уходил с палубы, радуясь, как большой ребёнок, открывавшимся видам – широкому простору великой реки, прибрежным лесам и лугам, диким скалам и непуганым животным.

– Вы только посмотрите, дорогой Николай Николаевич, – рокотал он Муравьёву, чёрной глыбой нависая над ним; широкая и длинная, чёрная с обильной сединой борода

его развеялась на ветру, как вымпел. – Посмотрите, какую богатую красоту вы возвращаете России.

Николай Николаевич вместе с ним словно открывал Амур впервые. Это было его третье плавание, но предыдущие два настолько заполнялись повседневными неотложными делами и заботами, что на обозрение красот не хватало времени. Сейчас же, стоя рядом с величественным архиереем, вдыхая остро пахнувший весной воздух, он с первозданным любопытством оглядывал излучины русла, настолько крутые, что временами казалось, будто река потекла вспять. Аборигены называют их кривунами.

– Со временем всем этим рекам, речушкам, протокам, островам и, конечно, кривунам, дадут русские названия, – сказал задумчиво Николай Николаевич, – а мы, владыко, дадим имена новым поселениям, да такие, чтобы в них наши амурские герои остались на все времена. К примеру, Свербеевка, Корсаково, Невельская, Казакевичева, Волконская...

– Волконскую правительство не утвердит, – сказал подошедший оберквартирмейстер подполковник Будогосский.

Муравьёв косо глянул на него:

– Декабристам высочайше даровали прощение, но я имею в виду Михаила Волконского. Он первый начал заселение Амура.

Будогосский пожал плечами:

– Всё равно не утвердят, ваше превосходительство. Преступники и прощёные остаются преступниками.

– Ну, тогда будет не Волконская, а Михайловская, – хмуро сказал генерал и отвернулся.

Но он не сердился на подполковника, которого ценил за деловитость, тем более что тот сказал правду, – просто расстроился из-за того, что из Иркутска уехали многие хорошие люди, к которым тянулась его душа: Волконские, Трубецкие, Муханов, восторженный романтик Николай Свербеев, ещё до манифеста о прощении женившийся на Зинаиде Трубецкой и уже успевший родить сына... Муравьёв невольно вздохнул: а вот он не родил ни сына, ни дочери, и по всему видно – уже не родит. И дело скорее всего не в нём, хоть на носу и полсотни лет – силы мужской у него в достатке, – дело в бедняжке Катюше... Ну да ладно, Муравьёвых много – вон у братьев дети подрастают...

– Смотрите, смотрите: горящие горы! – воскликнул с мостика Пётр Николаевич Перовский, пристав духовной миссии в Пекине, прикомандированный по дипломатической части к генерал-губернатору.

Действительно, по правому берегу стелился сизый дым, окутывавший склоны сопок.

– Может, лес горит? – предположил высокопреосвященный. – Я в Якутии много зрил лесных пожаров.

– Нет, это не лес, – сказал Будогосский. – Там речной обрыв в огне. Похоже, это уголь.

– Уголь, – подтвердил переводчик Шишмарёв, тоже поднявшийся на палубу. – Я с детства слышал про эти горящие горы. Старики сказывали: уже лет двести горят. Зимой пригасают, а по весне разгораются.

– Что же это за хозяйствование такое! – рассердился Муравьёв. – Мы ищем уголь для пароходов, у китайцев он двести лет горит, а им хоть бы хны! Зато на наш берег рот разевают – шире некуда! Не отдам! Ни за какие коврижки!

Не доходя примерно восьмидесяти вёрст до Зеи, из какой-то прибрежной китайской деревушки к каравану Муравьёва устремились две длинные узкие лодки, прикрытые балдахинами. Казаки и солдаты на катерах охраны взяли за оружие, но оказалось, что генерал-губернатора здесь поджидал джангин Фуль Хунга.

Муравьёв встретил его как старого друга – с выпивкой и угощением, представил

своих спутников, особый упор сделав на архиепископе и статском советнике Перовском. Преосвященного Иннокентия он назвал великим религиозным деятелем, Сыном Неба, обращавшим к Богу целые народы Америки и Сибири: благословение Сына Неба любое деяние во благо народов и государств сделает достоянием истории. Пётр Николаевич, по его словам, прислан Правительствующим Сенатом для подтверждения и поддержки полномочий генерал-губернатора в межгосударственных переговорах.

Кстати сказать, к Перовскому он питал особые чувства как к благородному племяннику благороднейшего дядюшки – графа Льва Алексеевича, почившего в бозе, к великой печали генерала, 21 ноября прошлого года. Память одного из лучших министров почтил тогда сам император, приехав на панихиду и отстояв несколько минут у гроба.

Фуль Хунга, в свою очередь, выразил почтение генерал-губернатору и его сопровождению, после чего задал главный вопрос:

– Ваше превосходительство, высокоуважаемый главнокомандующий генерал Муравьёв, при всей вашей поспешности не могли бы вы задержаться на несколько дней, когда в Айгун прибудет Амурский главнокомандующий князь И-Шань? Он уполномочен нашим великим государем богдыханом для ведения переговоров по разграничению и хотел бы провести их как можно быстрее.

Муравьёв переглянулся с архиепископом и Перовским – оба согласно едва заметно склонили головы.

– Хорошо, уважаемый джангин Фуль Хунга, – Николай Николаевич поклонился гостю, – мы с вами давно знаем друг друга и, если просите вы, я, пожалуй, согласен остановиться в Усть-Зее. Надеюсь, князь И-Шань не заставит себя долго ждать, а то у меня есть более важные поручения нашего великого государя императора.

2

К Усть-Зейскому посту подошли на другой день после обеда. С помощью катеров баржи причалили к берегу. Пока возились с чалками, на высоком берегу собрались все обитатели поста: казаки и солдаты 14-го линейного батальона в составе одного взвода выстроились для встречи высокого начальства; отдельной небольшой толпой стояли женщины и даже ребятишки.

Муравьёв первым легко сбежал по сходням, брошенным на песок, но подниматься сразу на берег не стал, подождал, пока сойдёт высокий и грузный архиепископ. За Иннокентием сошли остальные пассажиры первой баржи; со второй, на которой размещались канцелярии генерал-губернатора – путевая и дипломатическая, никто спускаться на землю не спешил.

Осталась на месте и охрана на катерах.

Генерал об руку с архиереем поднялись по земляным ступеням на береговой обрывчик и приняли доклад подполковника Языкова. Муравьёв поздоровался со служивыми, а высокопреосвященный осенил их крестным знамением.

Затем они разделились: генерал пошёл вдоль строя, в сопровождении Языкова и сотника Травина, придирчиво оглядывая выправку и обмундирование казаков и солдат, а владыко отошёл к священнику поста, стоящему возле толпы гражданских. Тот склонился, целуя руку высокопреосвященного.

– Как случится, отец Александр? – спросил Иннокентий, благословляя его.

– С чистой душой, ваше высокопреосвященство! Люди все Богу открыты – и трудятся, и молятся с усердием превеликим. Церкву Николая Чудотворца Мирликийского за несколько дней сложили. Освятить надобно.

– За тем и прибыл. Да и о новом храме следует подумать. Народ прибывает... – мол-

вил владыко, оглядывая собравшихся, которые под его взглядом начали кланяться, мелко крестясь. Он тоже их размахисто перекрестил.

Муравьёв остановился возле стоявших плечом к плечу высоких и широкоплечих рыжих казаков. Те уставились на высокое начальство, в их глазах играли озорные огоньки.

– Григорий Шлык и Кузьма Саяпин, – то ли спрашивая, то ли утверждая, произнёс генерал.

– Так точно! – рявкнули те в две глотки разом.

– Просто служите или уже переселились?

– Так точно, переселились!

– А где ваши жёны? Сроки их кончились?

– Кончились... Да вон они стоят с ребяёнками... – вразной ответили казаки.

Муравьёв оглянулся и сразу выделил в толпе рыжую Любашу и золотоволосую Татьяну. Возле них, держась за руки, стояли рыжий мальчик и златоголовая девочка

– Ну, так приглашайте в гости, – улыбнулся генерал. – Или нечего показать?

– Дык это... пожалуйста... – смешался Кузьма.

А Гринька просто кивнул и сказал:

– Будем рады... И тятю моего помянем.

– Помянем, – кивнул Николай Николаевич и обратился к Языкову: – Отпускай людей, Василий Ефимович, к ним претензий нет. Да и к вам с Травиным тоже. Молодцы! А я вот с казаками пройду по станице. Пора, пора уже вас не постом именовать, а станицей Усть-Зейской.

Языков и Травин откозыряли и распустили строй, а Гринька и Кузьма подозвали к генералу своих суженых с ребятами. Те подошли – Танюха, скромно потупясь, а Любаша, озорно улыбаясь, – поздоровались. Генерал угостил детей конфетами, а женщинам обеим протянул руку:

– Зовите меня по имени-отчеству – Николай Николаевичем.

– А меня – Любовь Степановной, – вздёрнула рыжую голову Любаша, крепко пожав его пальцы.

Кузьма дернул её за рукав ергачка³, но Любаша отмахнулась.

– Очень приятно, – улыбнулся генерал и обратился к Танюхе, слабо ответившей на его пожатие: – А вас как по отчеству? Татьяна...?

– Да не надо меня по отчеству! – смутилась та.

– А всё-таки?

– Михайловна она, – сказал Гринька.

– Рад вас видеть, Татьяна Михайловна, – генерал наклонился и поцеловал обветренную тыльную сторону ладони молодой женщины. Она густо покраснела и спрятала руку в карман такого же, как у Любаши, ергачка.

– Ну, показывайте мне вашу Усть-Зейскую, – словно ничего не заметив, сказал Муравьёв и первым пошёл по улице.

Усть-Зея за год сильно изменилась. Выросла, пускай и недлинная, но настоящая улица из бревенчатых изб – с оградами, воротами, коновязями у ворот. На месте продовольственного сарая, где сотник Травин складировал умерших, возвышалась небольшая церквушка, а на берегу грузно и широко стоял дом, в котором размещался штаб 1-го отделения Амурской линии, а кроме штаба – квартира командира отделения подполковника Языкова и пара комнат, занятых службой сотника Травина. Были в доме и комнаты для приезжих, но Муравьёв селиться там отказался – на барже у него и у владыки «апартаменты» были значительно лучше.

---

³ Ергач, ергачок – шубка, куртка из козьих или оленьих шкур мехом внутрь (местн.).

– А порученец ваш Вагранов не приехал? – спросил Гринька, широко шагая рядом с быстро идущим генералом.

– Просился, но я его не взял: прибавление у него в семействе, вторая дочка родилась.

– Догонять надо, – хохотнул Кузьма и оглянулся на поспешавших позади жён и ребятшек.

– Трудно догонять, – засмеялся Муравьёв. – У него теперь четверо: два сына и две дочери.

– Ишь ты! – удивлённо-уважительно сказал Кузьма. – А мы поднажмём. Верно, Гриня?

– Это не у меня надо спрашивать, – откликнулся друг-побратим.

– Всем неплохо бы поднажать, – неожиданно серьёзно сказал Муравьёв. – Землю, братцы, заселять надо.

3

Восьмого мая из Айгуна пришла лодка с посыльным, который, низко кланяясь, передал пакет в руки «эросы цзянь-цзюня Му-жа-ви-фу».

– Пётр Николаевич, Яков Парфентьевич, – позвал Муравьёв Перовского и Шишмарёва, знающих китайский. – Прочтите, пожалуйста, посыльный ждёт ответ.

Чиновники вскрыли пакет, достав два листа бумаги с крупными иероглифами. Прочитали по очереди.

– Амбань Дзираминга просит вас принять его завтра для весьма важного разговора, – изложил суть письма Шишмарёв. – Амурский главнокомандующий князь И-Шань уже прибыл в Айгун.

– Николай Николаевич, похоже, ваша взяла! – улыбнулся Перовский.

Муравьёв переглянулся с Иннокентием, стоявшим неподалёку, и вдруг по-мальчишески подмигнул ему. Потом сказал чиновникам:

– Напишите, что я готов завтра в обед принять уважаемого амбана по его просьбе. Я подпишу. По-русски напишите, у него найдётся кому перевести. А после все мы сядем и подработаем проект договора.

Приехавший на другой день Дзираминга сообщил, что уполномоченный князь И-Шань просит генерал-губернатора отложить на несколько дней все дела и прибыть в Айгун для срочных переговоров по пограничным вопросам, так как это дело крайне заботит китайское правительство и тревожит живущих на границе людей, отрывая их от сельских работ.

Муравьёв подумал несколько минут и, наконец, сказал:

– Уважаемый амбань, поручение моего великого государя обязывает меня спешить к устью Амура, но я принимаю во внимание беспокойство правительства нашего дружественного соседа – Дайцинской империи и готов пойти навстречу просьбе благородного цзянь-цзюня И-Шаня, то есть задержусь на неделю в Усть-Зее. При положительном окончании переговоров наш государь, я надеюсь, меня не осудит. Передайте господину амурскому главнокомандующему, что я прибуду к Айгуну 10 мая, а 11-го мы уже сможем провести первое заседание.

С тем Дзираминга и отбыл.

На первом заседании 11 мая, в котором участвовали кроме главных переговорщиков советники и переводчики, князь И-Шань сразу же устремился в атаку.

– Свои действия в устье Амура Россия не согласовала с Китаем. Это – экспансия, уважаемый генерал Муравьёв. Мы имеем договорённость с Россией относительно грани-

цы по Горбице и горам, именуемым Становым хребтом, вплоть до моря.

Седая борода князя встопорщилась, острые скулы на желтоватом лице покраснели, и даже золотой шарик на высокой конической шапке гуаньли возмущённо закачался из стороны в сторону.

Помощники князя дружно закивали, поддерживая его слова.

– Отвечаю по порядку ваших претензий, благородный князь. Во-первых, о несогласованности наших действий в устье Амура. – Николай Николаевич подал знак, и Перовский передал ему папку с бумагами. – Здесь мои письма Высокому Трибуналу внешних сношений и приамурским амбаням с извещениями о наших действиях. Высокий Трибунал на эти письма не ответил. Амбани тоже промолчали, а мы в условиях войны с англо-французами ждать не могли: я был обязан защитить устье Амура, Камчатку и российские берега. Между прочим, тем самым я защищал и Китай от экспансии Англии и Франции. Далее. Войска, доставленные в Приамурье и Приморье, необходимо снабжать продовольствием и военным снаряжением, поэтому сплавы продолжались и будут продолжаться до установления постоянного пароходного сообщения по Амуру. Во-вторых, о границе. Благородный князь, Амурский край давно освоен и заселен русскими. По Амуру плавают русские подданные, в его устье – русские укрепления. И, смею заметить, несмотря на то, что Англия и Франция, с которыми Китай сейчас ведёт войну, предлагали русскому государю стать их союзником, Россия не воспользовалась своими приамурскими укреплениями против Китая и отказалась стать союзницей агрессоров. Более того, три года тому назад доблестные российские моряки, солдаты и казаки не позволили англичанам и французам захватить устье Амура и укрепиться на океанском побережье. Но кто может поручиться, что эта попытка не повторится?

Китайские переводчики работали без усталости, но то и дело обращались к русским за уточнениями. Перовский и Шишмарёв внимательно следили, чтобы перевод был правильным.

И-Шань всё выслушал с непроницаемым лицом, затем кивнул сидящему с левой стороны Айжиндаю, советник вынул из портфеля и подал князю толстую стопу бумаг.

– Уважаемый генерал Муравьёв, – сказал императорский сановник, кладя стопу перед Муравьёвым, – тут вся переписка с русским правительством со времён Нерчинского договора. Ваше правительство неоднократно подтверждало свою верность Нерчинскому трактату.

– Времена, как известно, меняются, интересы и взгляды – тоже, – Муравьёв подал князю тоненькую папку. – Благородный князь, я передаю вам наш проект нового трактата. Вам нужно время, чтобы его изучить. О следующем заседании договорятся советники. А теперь позвольте откланяться.

Муравьёвский проект трактата состоял из шести пунктов. В первых трех заключалось самое важное – о границе по Амуру и Уссури, о свободном плавании только русских и китайских судов по пограничным рекам и о свободной торговле по этим рекам. Три остальные были второстепенными – о переселении маньчжур с левого на правый берег, о пересмотре прежних трактатов в соответствии с новым и о дополнительном статусе нового договора. Муравьёв был уверен, что китайцы готовы принять всё, но будут изображать сопротивление, чтобы Китай не выглядел перед теми же англичанами и французами сдавшимся на милость России. И главное – самим переговорщикам не выглядеть проигравшими в глазах богдыхана.

– Я в этой тягомотине участвовать не хочу, – сказал генерал Перовскому. – Вы, Пётр Николаевич, человек опытный, возьмите в помощники управляющего дипломатической канцелярией Бютцева, да вот Якова Парфентьевича и – с богом! – ведите всё, что полагается в таких случаях. Обо мне скажите: мол, болен главнокомандующий Муравьёв.

– Признают ли они меня достойным вести переговоры? – засомневался Перовский. – Я всего лишь статский советник.

– Я напишу, что вы от российского Правительствующего Сената контролируете правильное ведение переговоров. Думаю, что И-Шань тоже поручит вести дело своим помощникам.

Так оно и случилось. Один день китайская сторона изучала русский проект, затем два дня Перовский с помощниками, как выразился бесцеремонный Будогосский, толкли воду в ступе, встречаясь то с советниками, то с переводчиками: китайцы никак не хотели отходить от Нерчинского трактата, убеждая русских в превосходстве Китая над другими народами, о его многовековой славе, а потому неоспоримом праве владеть теми землями, которые ему предоставило Небо...

Вечером 14 мая Муравьев возмутился:

– Да сколько же можно занимать время пустопорожними разговорами? У меня дел – невпроворот, а я тут сижу, как привязанный. Под их государством земля шатается, а они языком мелют. Объявите им, Пётр Николаевич, что лишь великодушие нашего государя императора позволяет сохранять дружественные отношения между нашими государствами. За все годы они неоднократно совершали недружественные действия. Во-первых, Нерчинский трактат заключён неравноправно, поскольку они обещали, что их свита на переговорах будет немногочисленна, но явились с целым войском в пятнадцать тысяч человек, тогда как у русских было всего полторы тысячи. Во-вторых, они многократно нарушали этот же трактат, собирая ясак на территориях им не принадлежащих, на что не имели никакого права. Наконец, они не приняли посланника нашего великого государя, направленного к богдыхану с дружественным приветствием, а это среди цивилизованных государств считается оскорблением и приводит к разрыву всяческих отношений.

– А ещё китайцы сожгли и разграбили нашу факторию в Чугунаке, – добавил Перовский.

– Тем более!.. А где этот Чугунок? – спохватился генерал.

– Чугунак. В Джунгарии. Рядом с нашим Туркестаном.

– И давно это было?

– Кажется, два года назад. Может, три.

– Ну, неважно, главное – было! Обязательно упомяните! Чем больше их носом в собственные лепёшки, тем быстрее пойдут на попятную. А то вздумали о своём превосходстве трындеть, – Муравьев добавил ещё несколько крепких выражений, явно пользуясь тем, что не было поблизости владыки Иннокентия, который терпеть не мог сквернословия. А закончил неожиданно миролюбиво: – У каждого народа найдётся что-то, превосходящее над другими, и мы, русские, не исключение, но это не повод, чтобы кичиться. Действуйте, Пётр Николаевич! Если завтра не договоритесь, послезавтра мы отплываем.

4

Атака возымела действие: китайцы сникли и начали согласовывать статьи договора, предложенные Муравьевым. Подписание было назначено на полдень 16 мая, но, как всегда бывает, кто-то что-то не успел, в частности, вовремя не перебелили экземпляры на русском и маньчжурском языках, и торжественный час переместился ближе к вечеру.

В шесть часов пополудни русская делегация в полном составе, в парадных мундирах и орденах, сошла на айгунский причал. Её с почтительными поклонами встречали чиновники во главе с амбанем Дзирамингой. Жители Айгуна толпились поодаль, оттесняемые копьями солдат в синих халатах. Вряд ли кто из них понимал, при каком великом историческом моменте им доводится присутствовать.

Амурский главнокомандующий цзянь-цзюнь И-Шань встретил делегацию у входа в огромный шатёр, воздвигнутый, видимо, специально для торжественного акта. Снаружи и внутри шатёр был украшен пихтовыми ветками, драконами из цветных лент и разноцветными бумажными фонариками.

И-Шань с поклоном пожал Муравьёву обе руки и пригласил за большой стол в центре шатра. По обе стороны от него стояли столы поменьше, на них исходили паром огромные металлические сосуды с кипятком и краниками на боку, стояли маленькие глиняные чайнички для заварки, тонкие фарфоровые чашки, тарелки с китайскими сладостями и плошки с чайными шариками, «гнёздышками», лепёшками.

– Это чай пуэр, чрезвычайно полезен для здоровья, – вполголоса сказал Перовский вошедшим с ним вместе членам делегации Бютцеву, Карпову, Языкову, Будогосскому и священнику Алексею Седых, сопровождавшему владыку. Шишмарёв был под рукой генерала, для перевода, но он про китайские чаи знал не меньше советника.

Высокопреосвященного Иннокентия Муравьёв представил князю чуть ли не равным Конфуцию. А может быть, и равным.

– Без благословения владыки никакой договор действовать не будет, – заключил он своё представление.

– Угощайтесь, глубокочтимые гости, – указал И-Шань на чайные столы и хлопнул в ладоши.

Из-за цветной занавеси за его спиной, мелко семеня, выплыли несколько хорошеньких девушек в весенних изумрудных платьях ципао и принялись заваривать и разносить чай.

После чаепития советник Айжиндай и Дзираминга разложили на столе большой план Амурского и Уссурийского краёв. Хорошо разбиравшийся в картах и к тому же читавший не один отчёт Невельского, Николай Николаевич с одного взгляда подметил приблизительность китайского плана и внутренне усмехнулся: эх, господа, а земли-то, на которые претендуете, надо бы знать получше.

Поверх карты легли три экземпляра договора – на русском, китайском и маньчжурском языках.

– Нам выпала высокая честь решить вопрос, которому не находилось решения более ста пятидесяти лет, – торжественно сказал И-Шань. – Этот договор закрепит дружбу наших государств на тысячу лет!

– Я горд этой честью, – продолжил Муравьёв, – и счастлив поставить свою подпись под трактатом рядом с подписью выдающегося деятеля Дайцинского государства, Амурского главнокомандующего благородного князя И-Шаня.

Когда Яков Парфентьевич Шишмарёв перевёл эти слова, а китайский переводчик вполголоса подтвердил их цзянь-цзюню, тот не смог удержаться от довольной улыбки.

– Я благодарен судьбе, – сказал он, – которая свела меня на моём длинном жизненном пути с наиболее благороднейшим из генерал-губернаторов России, каковым является главнокомандующий Муравьёв.

Генерал склонил голову в знак благодарности.

Главы делегаций одновременно взяли перья и подписали свои экземпляры договора. Затем обменялись ими и снова подписали. В заключение был подписан маньчжурский текст.

Раздались бурные аплодисменты.

Свои подписи на всех экземплярах под непрерывные овации поставили советники и переводчики.

Муравьёв и князь И-Шань обменялись красивыми кожаными папками с договором, крепко пожали друг другу руки и даже слегка обнялись. Их примеру последовали все присутствующие.

– Шампанского! – сказал Николай Николаевич.

Помощники мигом внесли ящик с высокими бутылками и коробку с бокалами. Раздались выстрелы пробок, и зашипел, лиясь в тончайшие сосуды, благородный золотой напиток.

Китайцы не остались в долгу: бутылки с винами из слив мумэ, умэ и личи заполнили столы. Появились блюда с закусками из свинины, морской «дичи» и сои, зажаренные мелкие птицы, овощи в сахаре и различных соусах, фрукты из Южного Китая...

И закрутилось веселье – до самого рассвета.

Утром 17 мая русский катер направился домой, в Усть-Зею.

Члены российской делегации с бокалами шампанского в руках окружили генерал-губернатора. Всем хотелось поздравить героя необычайного события, выпить за его здоровье, пожелать долгих лет службы на благо Отечества.

Иннокентий поднял бокал, обращаясь к Муравьеву и его помощникам:

– Благуя весть несёте вы Отечеству нашему. Господь помог вам завершить, наконец, многовековую тяжбу. Он, Вседержитель, вложил в сердце монарха нашего, ныне покойного, мысль об избрании тебя, сын мой во Христе, орудием столь великого деяния и с той поры неизменно укреплял тебя Своею силою и давал тебе помощников верных! Благословенны вы все, устроившие это дело так мирно и дружелюбно! Благословен первый среди вас, богоизбранный муж Николай Николаевич Муравьев! Я поднимаю сей сосуд с божественным напитком во славу его и во здравие всех вас, дети мои!

Все с удовольствием крикнули «ура» и выпили. Матросы откупорили новые бутылки и разлили по бокалам.

– Амур снова – река русская, и земля Амурская возвращена в лоно Отечества нашего, – задумчиво произнёс генерал-губернатор. – Россия развернула наконец в полный размах своё восточное крыло и теперь может лететь, набирая невиданную высоту. За это не грех и выпить.

5

АЙГУНСКИЙ ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ О ГРАНИЦАХ И ВЗАИМНОЙ ТОРГОВЛЕ

Айхунь [Айгун], 16/28 мая 1858 г.

Великого Российского государства главноначальствующий над всеми губерниями Восточной Сибири, Е.И.В. государя императора Александра Николаевича генерал-адъютант, генерал-лейтенант Николай Муравьев, и великого Дайцинского государства генерал-адъютант, придворный вельможа, Амурский главнокомандующий князь И-Шань, по общему согласию, ради большей вечной взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных, постановили:

1

Левый берег реки Амура, начиная от реки Аргуни до морского устья р. Амура, да будет владением Российского государства, а правый берег, считая вниз по течению до р. Уссури, владением Дайцинского государства; от реки Уссури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне да будут в общем владении Дайцинского и Российского государств. По ре-

кам Амуру, Сунгари и Уссури могут плавать только суда Дайцинского и Российского государств; всех же прочих иностранных государств судам по сим рекам плавать не должно. Находящихся по левому берегу р. Амура от р. Зеи на юг, до деревни Хормолдзинь, маньчжурских жителей оставить вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства, с тем чтобы русские жители обид и притеснений им не делали.

2

Для взаимной дружбы подданных двух государств дозволяется взаимная торговля проживающим по рекам Уссури, Амуру и Сунгари подданным обоих государств, а начальствующие должны взаимно покровительствовать на обоих берегах торгующим людям двух государств.

3

Что уполномоченный Российского государства генерал-губернатор Муравьёв и уполномоченный Дайцинского государства Амурский главнокомандующий И-Шань, по общему согласию, постановили – да будет исполняемо в точности и ненарушимо на вечные времена; для чего Российского государства генерал-губернатор Муравьёв, написавший на русском и маньчжурском языках, передал Дайцинского государства главнокомандующему И-Шань, а Дайцинского государства главнокомандующий И-Шань, написавши на маньчжурском и монгольском языках, передал Российского государства генерал-губернатору Муравьёву. Все здесь написанное опубликовать во известие пограничным людям двух государств.

Город Айхунь, мая 16 дня 1858 года.

На подлинном подписали:

Всемилолюбивейшего государя моего императора и самодержца всея России ген.-ад., ген.-губернатор Восточной Сибири, ген.-лейт. и разных орденов кавалер Николай Муравьёв.

Службы Е.И.В., государя и самодержца всея России, по Министерству иностранных дел ст. сов. Пётр Перовский.

Амурский главнокомандующий И-Шань.

Помощник дивизионного начальника Дзираминга.

Скрепили:

Состоящий при генерал-губернаторе Восточной Сибири переводчик губернский секретарь Яков Шишмарёв.

Ротный командир Айжиндай.

ЭПИЛОГ

1

Вернувшись в Усть-Зею, Николай Николаевич предложил владыке совершить благодарственный молебен в честь великого события и во здравие государя императора.

– Не токмо молебен, – отвечивший Иннокентий, – но крестный ход совершим и заложим храм Святого Благовещения.

– Будет храм – значит, будет и город. Назовём его Россияслав!

– Вычурно как-то, простите меня великодушно. Будь моя воля, я бы назвал его – Муравьёвск. В благодарение за труды ваши, в полной мере не оценённые.

– Да, трудов было много, – согласился Николай Николаевич. – Но – трудов многих и многих людей – всех не перечислить. Я и хотел бы им всем славу воздать через общее, что у нас есть, – через Россию.

– А если назвать по имени храма, который заложим, – Благовещенск? – Владыко пытливо посмотрел на генерала.

– Благовещенск... Благовещенск... – покатали тот губами и языком новое слово. – А что – красиво звучит. И смысл замечательный: город благо вещает этому краю. Отлично! Так и назовём. Благодарю вас, владыко, за подсказку – умную и добрую!

Провели крестный ход, совершили благодарственный молебен и заложили камень на месте будущего храма Святого Благовещения.

На церковном параде прозвучал короткий, полный высокого пафоса приказ генерал-губернатора: «Товарищи! Поздравляю вас! Не тщетно трудились мы: Амур сделался достоянием России! Святая православная Церковь молит за вас! Россия – благодарит. Да здравствует император Александр II и да процветает под кровом его вновь приобретённая страна! Ура!»

На закладке камня, при полном стечении народа, святитель Иннокентий сказал почувствованную речь, обращённую к Муравьёву:

– Нет надобности говорить здесь о том, какие выгоды, какие блага могут произойти от этого края для России. Это очевидно при самом простом взгляде. Не время также и не место, да и не по нашим силам исчислять или оценивать все твои заботы, усилия, труды, боления, твои подвиги, понесённые тобой к достижению этой одной из главнейших твоих целей. Их вполне может оценить только будущее население сего края и история. Но если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство, и даже те самые, которые будут наслаждаться плодами твоих подвигов, то никогда, никогда не забудет тебя наша православная церковь, всегда вспоминающая даже создателей храмов; а ты, богоизбранный муж, открыл возможность, надежды и виды к устройению тысячи храмов в сем неизмеримом бассейне Амура. Но нет сомнения, что и в настоящее время, если и не вся Россия, то вся Сибирь и все благомыслящие россияне и все твои сподвижники с радостью, с благодарностью и с восторгом примут известие о совершённом тобою ныне деле.

Слова высокопреосвященного стали сбываться сразу после возвращения генерал-губернатора с Амура. Но поначалу он вместе с владыкой и обер-квартирмейстером Будогосским спустился до Николаевска, намечая места будущих новых станиц и сёл. Особо они остановились на высоком правом берегу чуть ниже устья Усури.

Николай Николаевич постоял на утёсе, оглядел амурский простор.

– Что-то мы увлеклись днём сегодняшним, – сказал владыке, – а про предков наших забыли. Наречем будущее село Хабаровкой.

– Города потребны, города, – рокотал святитель. – Городами земля укрепляется.

– Вы, как всегда, правы, владыко, но селом земля оживляется.

От Хабаровки Муравьёв со свитой пересел на пароход «Амур» и дальше уже пользовался только пароходами – их уже было четыре. Николай Николаевич отлично понимал, что без быстрого заселения Приамурья Айгунский договор останется простой бумагой, поэтому – спешил. В письмах Корсакову, которого он усиленно «натаскивал» на роль своего преемника, генерал-губернатор подробно разъяснял, как нужно заботиться о переселенцах, особо – о казаках, хлеборобах-воинах, учил быть внимательным к простым людям. «Как будешь проезжать через Верхнеудинск, посвяти хоть дня два на разбор просьб: *это – священная обязанность губернатора*», – подчёркивал он. В душе он понимал, что Михаил слабоват для столь высокой и ответственной должности, но любил его – не как брата, скорее как сына, которого не дал Бог, – а к любимцам у него была слабость: многое им прощал, не замечая – или стараясь не замечать, – что при этом иногда роняет свой авторитет. Очень ему навредила история с дуэлью двух чиновников, Беклемишева и Неклю-

дова, которая произошла в следующем, 1859-м, году. Верхнеудинский исправник Фёдор Беклемишев сумел каким-то образом втереться в «ближний круг» генерала и стать управляющим отделением Главного Управления Восточной Сибири; поэтому, убив на дуэли Неклюдова, он был отстранён от должности, но прощён по заступничеству Муравьёва. Этот поступок генерал-губернатора возмутил не только иркутское, но сибирское и даже российское общество.

Однако, несмотря на такую слабость, Николая Николаевича любили – не все, но многие, – искренне радовались его исторической победе, устраивали в её честь различные празднества и обеды. А когда генерал-губернатор вернулся в пределы Забайкальской области, его проезд через сёла и деревни сопровождался колокольным звоном, на обочинах собирались ликующие толпы народа, на обедах читали стихи, сложенные в честь главноначальствующего:

...Будь же счастлив, незабвенный,
Наш любимый генерал!
Кончен подвиг беспримерный:
Ты Амур завоевал!

В путешествии по Амуру Николай Николаевич получил известие, что 1 июня в Тяньцзине адмирал Путятин заключил наконец-то торговый договор с Китаем. Китайцы уже знали об Айгунском трактате, и 3 июня сообщили графу об указе богдыхана, утвердившего этот трактат. Неизвестно, отметил ли Путятин победу генерала, а вот Муравьёв, получив от Венцеля письмо с новостью, тут же приказал выдать команде парохода по праздничной чарке и поздравил всех с окончанием китайского вопроса.

Однако вопрос оказался незакрытым. Через год, одержав временную победу над англо-французскими войсками, богдыхан заявил, что утверждение договоров с Россией было ошибкой и приказал наказать всех участников переговоров. Кто-то был казнён, кто-то покончил с собой; Дзирамингу, говорили, посадили в колодки; только князь И-Шань, будучи родственником богдыхана, отделался понижением в должности. Но уже следующий виток войны принёс победу англо-французам, над Пекином нависла угроза падения, и, воспользовавшись этим, новый посол России в Китае Николай Павлович Игнатъев выступил посредником между китайским правительством и командованием наступающих армий, остановив наступление. В благодарность за это в ноябре 1860 года был подписан и богдыханом утверждён новый договор, по которому территория от Уссури до моря, вплоть до Кореи, стала принадлежать России.

Но это случится только через два года, а пока, в августе 1858-го, по возвращении Муравьёва в Иркутск, местное общество устроило грандиозный праздник в его честь: соорудили триумфальную арку, украсили город флагами, всюду играла музыка, звонили колокола, толпы народа приветствовали генерал-губернатора и, естественно, состоялся благодарственный молебен в кафедральном Богоявленском соборе, и был роскошный обед с речами, гостями и здравицами.

Николай Николаевич смертельно устал, но не было рядом Катрин, его Катюши, которая женской лаской, вниманием и пониманием сняла бы с него этот груз. Он позвал на домашний обед семейство Вагранова. Иван Васильевич привёл смущённую вниманием красавицу-жену Настю и двух сыновей, Васятку и Сёмку. Васятке как раз исполнилось семь лет; на правах старожилы Белого дома он взял пятилетнего Сёмку за руку и повёл показывать сказочный дворец, каким представлялся мальчугану этот громадный дом. Настя ушла с ними, и мужчины остались за столом одни.

Муравьёв расстегнул мундир, расслабился и помрачнел.

– Наливай, Ваня, по полной, – сказал, подставляя рюмку. – Выпьем за здоровье госу-

даря нашего. Слишком он, видно, занят, коли за три месяца не откликнулся на мой доклад о подписании трактата.

– Жаль, что я не был с вами в Айгуне, – обронил Вагранов, наполняя чарки очищенной водкой. – Такое событие пропустил!

– А-а, – махнул рукой генерал. – Это для нас событие, а для них... – Он снова махнул рукой и едва не сшиб рюмку. – Не ко двору я новому государю. Пора уходить!

– Напрасно вы такое говорите, Николай Николаевич. Может, там никак решить не могут, какую награду вам дать. У вас они, почитай, все имеются, кроме «Андрея Первозванного».

– Мне под «Первозванного» орденское одеяние не на что пошить, – усмехнулся генерал. – Оно, знаешь, какое дорогое!

Иван Васильевич произносил свои слова в утешение генерала, но, можно сказать, попал в точку. Император и министры пребывали в некоторой растерянности: никто не ожидал, что у Муравьева всё получится так быстро и так достойно. У них расчёт был на Путятину, но Тяньцзинский договор в части пограничного вопроса получился слабее Айгунского. Муравьев уже присоединил территорию больше Франции, а с прицелом на Приморье – это ещё целая Италия! И без единого выстрела!

– И как за это награждать?! – спрашивал император канцлера Горчакова, военного министра Сухозанета и министра внутренних дел Ланского. Горчаков и Ланской пожали плечами, а Николай Онуфриевич Сухозанет сказал:

– Пора бы и полного генерала дать. От инфантерии.

– Это обязательно! – с чувством сказал император. – Но он и так у нас обойдённый, так что это – не награда.

– Возвести в графское достоинство, – негромко сказал сидящий в стороне Константин Николаевич. – Елена Павловна посоветовала. Муравьев честолюбив, и такое возвышение будет для него лучшей наградой.

– А к фамилии добавить «Амурский» – чтобы сразу отделить от остальных Муравьевых, – внёс лепту и канцлер.

26 августа 1858 года государь император Александр II подписал высочайший рескрипт, в котором говорилось: «...Просвещённым действиям вашим обязан этот край началом своего гражданственного возрождения; благоразумными и настойчивыми мерами, вами принятыми, упрочены наши мирные сношения с соседним Китаем, и заключённым вами трактатом дарован Сибири новый торговый путь по реке Амуру, служащий залогом будущему промышленному развитию государства. Столь счастливое для России событие даёт вам справедливое право на искреннюю Мою признательность. В воздаяние за таковые заслуги ваши, Я возвёл вас указом, сего числа Правительствующему Сенату данным, в графское Российской империи достоинство, с присоединением к имени вашему названия *Амурского*, в память о том крае, которому в особенности посвящены были в последние годы настоятельные труды ваши и постоянная заботливость.

Пребываю к вам неизменно благосклонным и навсегда доброжелательным».

2

Граф Муравьев-Амурский спешил закрепить за Россией новоприобретённый край. Это видно из его писем брату императора, великому князю Константину Николаевичу, который был куратором-покровителем «Амурского дела». Правда, активным покровителем генерал-адмирал являлся лишь до отъезда с Амура своего любимца Невельского, после – покровительствовал большей частью на словах, однако Муравьев, ослеплённый сво-

ей личной преданностью делу, продолжал наивно верить в такую же преданность власть предержащих и отчаянно взывал к их содействию. Он не довольствовался ролью «национального героя», но и не хотел быть объектом обвинений в тщеславной поспешности заселения приамурских земель. А таких обвинений хватало – в первую очередь от Завалишина, который, кстати, сам ни разу не был на Амуре, а судил о действиях генерал-губернатора по рассказам людей, либо, как и он сам, обиженных на Муравьёва, либо просто недалёких в понимании сути происходящего.

Весьма метко о противниках и врагах амурской эпопеи писал Корсакову Болеслав Казимирович Кукель, начальник штаба войск Восточной Сибири: «Все эти господа, которые так кричат против Николая Николаевича и его управления, разделяются на три разряда: во-первых, это здешнее купечество, люди, которые никому и ничему не доверяют. Им по сердцу прежний порядок, когда они, дав взятку, приобретали незаконное, получали значение и силу между своими; всё гнулось перед ними, и приобреталось это значение не образованием, не честным трудом, а просто за наличные деньги. Во-вторых, это прежние чиновники, которые завидуют нам, жалеют прежний порядок, приносивший им деньги; теперь они боятся взять взятку, а другие боятся им дать. Эти господа всегда действуют из-за угла. Но, к счастью, их не так много. Наконец, третьи – это господа, которые, прикрываясь либеральным направлением, хотели бы приобрести весьма нелиберальное влияние на ход дела. Они казнят всё и вся, но сами первые враги всему порядочному и честному. Таких, к счастью, не очень много, но зато это самые отвратительные люди, потому что, прежде всего, они лицемеры...»

Конечно, недочётов, ошибок из-за нерасторопности, а то и пресловутого разгильдяйства исполнителей было предостаточно (что особенно ярко проявилось в организации чинтинскими чиновниками шестого сплава и вызвало ярость генерала), и это не могло не сказаться на эффективности происходящих грандиозных событий – оживления и оживания огромного края. Но не ошибки и недостатки определяли внешность и суть преобразований – лицом их становились русские посёлки, деревни, сёла и станицы на берегах Амура и Усури. Однако требовалось не только занимать и осваивать новые земли, но и охранять их от покушений со стороны непостоянных китайцев и последовательных в своих стремлениях англичан, утверждающихся в Китае. А эти задачи могли выполнить лишь казаки. На них и делал главную ставку генерал-губернатор. И, надо сказать, казаки не подводили: несмотря на трудности с продовольственным обеспечением, только за два неполных года появилось 11 станиц.

Кроме того, Муравьёв озаботился неопределённым положением Сахалина, который, как он полагал, для полной безопасности нашего побережья должен полностью принадлежать России. Но по этому вопросу надо было договариваться с Японией, и в 1859 году он совершил туда дипломатическое путешествие на пароходе «Америка». Этот вояж ни к каким результатам в международных отношениях не привёл, однако оказался весьма полезным для закрепления России на берегах Японского моря. Обследуя на пути в Хакодате побережье к югу от Императорской гавани, Муравьёв убедился в перспективности залива Петра Великого и бухты Посёта, расположенной у самой границы Кореи. В первом он приказал поставить военный пост, что было сделано в следующем году и тем самым положено начало Владивостоку; вторую граф определил как крайнюю южную точку российских владений на Азиатском материке, что и нанёс подполковник Будогосский на карту, которая готовилась в этом походе для передачи российскому послу в Пекине генералу Игнатьеву. Эта карта сыграла свою роль в дальнейшем, при заключении Игнатьевым Пекинского договора о границах.

Получив в подчинение дополнительно «Францию» и «Италию», Муравьёв невольно ощутил себя властителем истинно Восточной империи, однако при всём своём честолюбии не загордился – окунаясь каждодневно в горько-солёный прибой новых нескончаемых

забот и волнений, он остро осознал необходимость разделения Восточной Сибири на два генерал-губернаторства (для более успешного управления): так сказать, «морское» – в виде уже имеющейся Приморской области, и «сухопутное» – всё остальное, кроме Енисейской губернии, которую он полагал передать Западной Сибири. Граф уже убедился на примерах выделения Якутской, Камчатской и Забайкальской областей, насколько это приближает местные власти к проблемам подведомственных территорий, да и просто к населению, и в своих письмах великому князю начал исподволь проводить эту мысль. Он надеялся «заразить» ею генерал-адмирала, а через него и самого императора. Приехав в Петербург весной 1860 года, Муравьев подал императору докладную записку со своим проектом. Александр Николаевич вроде бы согласился, но передал вопрос на рассмотрение Сибирскому комитету. В Комитет входил почти весь Кабинет министров, который дружно выступил против разделения, и это было понятно: министрам проще иметь дело с одним генерал-губернатором, нежели с двумя, каждый из которых имеет свой норов, да к тому же воспитанниками Муравьева, поскольку он предлагал на эти посты Корсакова и Казакевича. Генерал-губернатором единой Восточной Сибири, по их мнению, должен оставаться Муравьев – по крайней мере до окончательного решения китайского вопроса. Единственное, на что согласился император, – это назначить Муравьеву помощника (естественно, Корсакова) с хорошим годовым содержанием (восемь тысяч рублей серебром).

Скрепя сердце Николай Николаевич вернулся в Сибирь и продолжал заниматься переселением и укреплением границы. К концу 1860-го на Амуре уже была 61 станица, а на Уссури – 23. Русское население Приамурья и Уссурийского края превысило одиннадцать с половиной тысяч человек.

И тут свершилось ещё одно великое историческое событие: 2 ноября генерал Игнатев заключил Пекинский договор, который подтвердил правомочность Айгунского и Тяньцзиньского трактатов и установил границу по Уссури вплоть до Кореи. Проезжая на пути в Петербург через Иркутск, Игнатев был встречен Муравьевым как истинный герой – с соответствующим чествованием и торжественными обедами и ужинами.

Все посчитали, что «Китайское дело» закончилось. Однако «надо помнить, – предупреждая писал современник, – что Китай, уступая Амур и Уссури, исполнил требования России только благодаря энергии графа Муравьева-Амурского. Китайцы, видя такую его настойчивость, никак не предполагали, что за ним стоит всего только несколько сот штыков; им казалось, что решительные действия графа могли опираться лишь на грозную военную силу – и они уступили, но уступили в намерении и надежде вернуть потерянное, уступили с затаённою злобою и ненавистью к русским пришельцам».

В конце декабря 1860 года уже было понятно, что дни генерал-губернаторства Муравьева-Амурского сочтены: он ждёт не дожждётся, когда из Петербурга вернётся Корсаков, чтобы передать ему дела и навсегда проститься с Сибирью. Здоровье графа сильно пошатнулось; он был подавлен отклонением проекта разделения Восточной Сибири, считая это проявлением охлаждения к нему лично императора и генерал-адмирала; к тому же сильно тосковал по Катрин: за четыре года, прошедших с её отъезда, им удалось увидеться всего один раз. Кто-то прочил его наместником на Кавказ, где князь Барятинский пленил Шамиля и победно закончил сорокалетнюю войну, кто-то – в Польшу, но Николай Николаевич знал, что его кандидатура никуда не пройдёт: его, если и видели наместником, то лишь в Сибири, подальше от Петербурга. «*Я переслужил*», – горестно признавался он в одном из писем брату Валериану.

На проводы графа приехали новые губернаторы: из Якутска – Юлий Иванович Штубендорф, из Читы – Евгений Михайлович Жуковский, из Кяхты – градоначальник Александр Иванович Деспот-Зенович. Санним путём из Благовещенска добрался владыко Иннокентий, в 1858-м перенесший кафедру в новый город на Амуре. В первых числах января Николай Николаевич сложил полномочия генерал-губернатора и навсегда простился с

Иркутском и Сибирью. А вот как простился со своим многолетним властителем Иркутск, лучше всего сказано в воспоминаниях члена Совета Главного Управления – Бориса Алексеевича Милютина: «Назначенный для отъезда день начался в соборе, в котором при архиерейском служении граф Муравьёв, окружённый обществом, отстоял напутственный молебен. Площадь, или, лучше сказать, ряд площадей, окаймляющих собор, кишела народом. После молебна все, имевшие на то право, бросились в близлежащее Собрание. Граф Муравьёв дошёл до него пешком; народ теснился около него; слышались прощальные крики. Графу приходилось останавливаться, выслушивать прощальные напутствия. Наконец он в Собрании. Громадная зала последнего, прилегающие комнаты кишели публикой. Тут были и мундиры, и ремесленники со значками, и фраки, и сюртуки, и крестьяне, прибывшие из соседних деревень, и инородцы, и казаки. Не было, кажется, человека, которому бы граф не сказал слова. Кончилось это прощание. В городских экипажах, кто только мог, поехали на Вознесенский монастырь. Казалось, что туда придут только избранные, но пока шёл молебен над мощами святителя Иннокентия, пока продолжался завтрак у настоятеля, площадь перед монастырём наполнялась народом, буквально прибежавшим. Чиновники вынесли по сибирскому обычаю на руках графа Муравьёва; но только показались в толпе, как моментально были отброшены в сторону, а граф очутился на руках сперва крестьян, а потом инородцев-бурят, поспешно выхвативших его у первых... “Мы тебя, граф, не забудем, не забудь и ты нас!” – кричали они... “Не забудь нас!” – подхватил народ. Тронулись повозки, все стояли без шапок; кто бежал сзади; кто обратился к монастырю и крестился, кто набожно благословлял отъезжавшего. Шибче и шибче двигались повозки. Народ долго ещё стоял без шапок, следя за ними».

3

И в завершение повествования о *возвращении Амурского края* два мнения о том, кто это совершил.

Первое – от историка конца XIX века В.И. Вагина: «О Муравьёве мне трудно говорить беспристрастно, но тем не менее я остаюсь при том же взгляде на него, какой образовался у меня после первых же шагов его в Иркутске. Это был человек с огромными дарованиями, человек необыкновенной энергии и непреклонной воли. Он не пренебрегал никакими путями для достижения своей цели и потому, естественно, старался сокрушить и уничтожить всё, что противилось или казалось ему, что противится достижению этой цели. Он был в одно время и либерал и деспот, и добрейшее и мстительнейшее в мире существо, человек почти гениального ума и нередко до крайности легкомысленный, – словом, самый сложный, самый загадочный характер, какой только мне известен. Занятие Амурского края останется величайшей заслугой его перед потомством, но в то же время он сделал много полезного и для края, хотя не всё вышло так, как он предполагал».

Второе – от известного революционера М.А. Бакунина: «Есть в самом деле один человек в России, единственный во всём официальном русском мире, высоко себя поставивший и сделавший себе громкое имя не пустяками, не подлостью, а великим патриотическим делом. Он страстно любит Россию и предан ей, как был предан Пётр Великий. Вместе с тем он не квасной патриот, не славянофил с бородою и постным маслом. Это человек в высшей степени современный и просвещённый. Он хочет величия и славы России в свободе. Он решительный демократ, как мы сами, демократ с своей ранней молодости, по всем инстинктам, по ясному и твёрдому убеждению, по всему направлению головы, сердца и жизни; он благороден, как рыцарь, чист, как мало людей в России; при Николае он был генералом, генерал-губернатором и никогда в жизни не сделал он ничего против своих убеждений. Вы догадываетесь, что я говорю про Муравьёва-Амурского...»

Как говорится, тут ни убавить, ни прибавить.